

Кузьмина Виолетта Михайловна

кандидат исторических наук,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры международных отношений
и государственного управления
Юго-Западного государственного университета

**КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА
В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ
В 1930-Е ГГ.
В РСФСР**

Аннотация:

В статье рассматривается государственная политика по формированию кадров в условиях индустриальной модернизации, сложности проведения данной политики из-за разрушения многих образовательных структур и учреждений.

Ключевые слова:

индустриальная модернизация, государственная политика, кадры в советских образовательных учреждениях.

Kuzmina Violetta Mikhailovna

PhD in History, PhD in Psychology,
Assistant Professor,
International Relations
and State Administration Department,
Southwestern State University

**HUMAN RESOURCES
MANAGEMENT IN THE CULTURAL
ORGANIZATIONS
IN THE 1930-S IN THE RSFSR**

Summary:

The article deals with the state policy aimed at development of human resources in the conditions of the industrial modernization. The author considers difficulties of the HR management emerged because of the destruction of the educational and cultural structures and organizations.

Keywords:

industrial modernization, state policy, personnel in the Soviet educational institutions.

Подбор и расстановка кадров, как и вся кадровая политика, находились в ведении комитетов ВКП(б), которые рассматривали работников культуры как идеологических работников, своих помощников в коммунистическом воспитании людей. Кадровая политика и практика в сфере культуры строилась в соответствии с задачей партии – повышением роли учреждений культуры в идеологическом воспитании, в реализации социально-экономических задач общества. Рассматривая деятельность кадров как основной рычаг реализации политических целей, ВКП(б) уделяла внимание таким направлениям кадровой политики, как повышение идейно-политического уровня кадров, подбор и расстановка кадров руководителей, забота об условиях труда. Авторы коллективной монографии «Советская интеллигенция (история формирования и роста). 1917–1965 гг.» объективно оценили, что главным фактором, который использовало партийно-государственное руководство для мотивации профессиональной деятельности и политического поведения «специалистов старой школы», было понимание прогрессивных изменений в судьбах Родины, которые несет с собой новый общественный строй и служение отечеству [1, с. 17].

Основным принципом подбора руководящих кадров творческих организаций ВКП(б) провозглашала подбор на «подлинно демократической основе при социальном и национальном равенстве, подбор руководителей по политическим и деловым качествам, наличие специальных знаний, навыков, способностей, мастерства. Идейно-политический кругозор, моральная устойчивость, неподкупность, скромность требовались от всех» [2, с. 120].

Новый образованный слой с самого начала создавался на принципах, во многом противоположных дореволюционным. Но самое существенное то, что он, исходя из социологических концепций новых правителей, должен был иметь как бы «временный» характер. Согласно воззрениям строителей нового общества, в будущем особый образо-

ванный слой вообще не должен был существовать. Итак, интеллигенция должна была исчезнуть как особый слой с превращением всех людей в интеллигентов [3, с. 70].

Как утверждал один из идеологов советской власти Н.И. Бухарин, интеллигенция являлась препятствием на пути развития по той причине, что не понимала масштаба происходивших событий. И необходима была «новая» интеллигенция, которая бы не мучилась сомнениями, поисками, иными «интеллигентскими комплексами» [4, с. 104]. Впрочем, надо заметить, что наиболее дальновидные теоретики опасались, что и «новая» интеллигенция тоже может со временем проявлять тенденцию к превращению в социальный слой с соответствующей идеологией. Луначарский, в частности, писал: «Мы будем создавать новую интеллигенцию. Она заменит старую, но не получится ли пропасть между этой интеллигенцией и рабочими?.. И может случиться так, что интеллигенция усвоит психологию спеца... Такой отход... будет иметь место для отдельных индивидов, и, вероятно, он будет иметь место не как отход от коммунизма и революции, а как своеобразное толкование их. Эта публика будет стремиться обезопасить себя от влияния якобы устарелой, догматической, ортодоксальной части коммунистов, будет говорить, что жизнь требует нового подхода...» [5, с. 20].

Прогнозы эти, надо сказать, оправдались в гораздо большей мере, чем думал автор. Формирование новой интеллигенции в советский период характеризовалось некоторыми основными чертами, которые оставались в принципе неизменными в течение всего изучаемого периода, поскольку были обусловлены базовыми идеологическими представлениями коммунистического режима. Речь могла идти только о том, что некоторые из этих черт проявлялись с одинаковой или возрастающей интенсивностью на протяжении всего советского периода, а некоторые могли временами ослабевать.

Задача формирования новой интеллигенции решалась в первую очередь за счет повышения уровня образованности населения. Подготовка специалистов и развитие сети учебных заведений форсировались практически на всех этапах истории советского общества, ибо были прямо связаны с целью лишить интеллигенцию особого привилегированного статуса путем «превращения всех людей в интеллигентов».

Начиная с 20-х гг. XX в. перед политическим руководством стояла, кроме всего прочего, проблема обеспечения лояльности представителей интеллигенции, недопущение возможности оппозиции с его стороны. Систематические сведения о численности лиц, принадлежащих к слою лиц умственного труда, в первые послереволюционные годы отсутствуют. Статистика, впрочем, сильно колебалась. Некоторое представление дают данные по отдельным категориям [6, с. 182]. По этим сводным данным общая численность интеллигенции в начале 1918 г. оценивается приблизительно в 1 млн чел. (менее 1 % населения). Имеется ряд данных, характеризующих численность всех категорий «служащих», как было принято обозначать в советской статистике представителей интеллигенции в отличие от рабочих и крестьян.

Необходимость формирования новой интеллигенции диктовалась условиями форсированной индустриализации. Сталин в речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. так обосновал необходимость пополнения кадров советской интеллигенции: «Но нам нужны не всякие командные и инженерно-технические силы. Нам нужны такие командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть. А что это значит? Это значит, что наша страна вступила в такую фазу развития, когда рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса. Ни один господствующий класс не обходился без своей

собственной интеллигенции. Нет никаких оснований сомневаться в том, что рабочий класс СССР также не может обойтись без своей собственной производственно-технической интеллигенции» [7, с. 1].

В том же 1931 г. в докладе облсовнархоза ЦЧО облисполкому о подготовке кадров промышленности, было отмечено, что «для выполнения задач пятилетки промышленность предъявляет большой спрос на рабочую силу, наибольшая потребность со стороны металлопромышленности. Необходимо отметить, что только квалифицированной рабочей силы на 1931 год требуется 51 %, или 3933 человека...» [8, с. 5]

Забываясь о подготовке собственных, «большевистских» кадров, в 1931 г. ЦК ВКП(б) решает создать в 11 крупных городах страны промышленные академии. Подготовка новых кадров позволила в дальнейшем «выкосить» остатки прежней интеллигенции, подозреваемой в нелояльности. Именно поэтому репрессии добивали не только «ленинскую гвардию», но и всех, кто был своей профессией связан с русскими традициями жизни. Учитывая данные обстоятельства, облСНХ разработал и подал на рассмотрение ВСНХ план нового строительства школ ФЗУ на 14 объектов стоимостью 4 745 000 руб.

Так, «намечалось в Воронеже построить учебный комбинат для металлической промышленности, в Щиграх открыть школу при фосфоритном заводе, в Липецке закончить строительство металлургической школы и т. д.». Развертывание сети учебных заведений отмечено в материалах, отчетах культпросвет- и политпросветучреждений в Тамбове.

Прямое регулирование социального состава учащихся с предоставлением льгот «рабоче-крестьянскому молодняку» и ограничением права на образование выходцам из интеллигенции было основой социальной политики советской власти и проводилось с первых месяцев ее существования. Уже 2.08.1918 г. был принят «Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения», предоставлявший права поступления в вузы лицам любого уровня образования или даже вовсе без образования, и под лозунгом «завоевания высшей школы» началось массовое зачисление туда «рабочих от станка». Данная практика продолжалась все 20–30-е гг.

Особенно усилился «классовый подход» в конце 1920-х гг., одновременно с известными политическими процессами над интеллигенцией – именно тогда, когда численность студентов возросла особенно резко. Июльский пленум ЦК 1928 г. потребовал проведения дополнительных мероприятий, чтобы рабочие составляли не менее 65 % всего приема во вузы [9, с. 67]. Такая ситуация заставляла многих представителей интеллигенции, а тем более их детей (множество таких детей к тому же осталось без родителей в годы гражданской войны и террора) поневоле становиться рабочими или скрывать свое происхождение, чтобы получить возможность заниматься умственным трудом.

Формально «классовый принцип» был отменен только в середине 1930-х гг., когда выросло число потенциальных абитуриентов «из интеллигенции» за счет детей тех, кто сам в первые послереволюционные годы поступал в вуз по разряду «пролетариев» и «выдвиженцев» [10, с. 142]. Такие лица составляли уже новую группу, отношение режима к которой было более терпимым: считалось, что «потомственная советская интеллигенция» – дети тех, кто получил образование и вошел в состав интеллектуального слоя благодаря установленному революцией режиму, – более лояльна, и нет необходимости столь жестко ее ограничивать в правах. Однако для рабочих и крестьян по-прежнему сохранялось предпочтение.

Как ранее указывалось в исследованиях автора, «базой для подготовки кадров интеллигенции в ЦЧО являлась сеть учебных, культурных, научных заведений. Например, в Курской области в 1935 году работало три вуза (педагогический, учительский и медицин-

ский институты) и 32 техникума и «прочих средних учебных заведений, приравненных к ним» (17 педагогических, 1 политехпросветительный, 1 музыкальный, 1 землеустроительный, 1 механизации сельского хозяйства, 3 «прочих» средних учебных заведений, 1 совторговли и другие). Во всех специальных учебных заведениях обучалось около 10 тысяч учащихся и студентов. К концу 1930-х годов открылось еще 12 техникумов: 1 физкультурпедагогический, 1 библиотечный, 1 сельскохозяйственный и 9 медицинских. Вместе с тем количество обучавшихся в вузах и техникумах также возросло и стало составлять 15 589 человек» [11, с. 52].

В Воронеже функционировало 8 высших учебных учреждений: в медицинском, технологическом, сельскохозяйственном, лесотехническом, политехническом, инженерно-строительном и педагогическом институтах училось свыше 31 тыс. студентов. Обучение студентов велось по 146 специальностям [12, с. 56].

Несмотря на значительный рост числа образовательных учреждений и на высокие темпы формирования новой интеллигенции, архивные документы 1920-х гг. свидетельствуют о слабой культурно-просветительской работе среди формирующейся интеллигенции, и ЦК ВКП(б) постановил «предложить Курскому обкому усилить повседневное, систематическое руководство делом партийной пропаганды, ликвидировать самотек в постановке индивидуального политического самообразования, организовав изучение истории и теории большевистской партии всеми партийными и советскими кадрами, а также другими слоями советской интеллигенции» [13, с. 131].

Еще на Двенадцатом съезде РКП(б) четко и ясно был поставлен вопрос о руководстве кадрами представителей творческой интеллигенции во время «культурной революции». Открыто звучал вопрос стыковки культуры и управления в социалистическом обществе, один из аспектов которого связан с задачей управления людьми, их поведением, делами и поступками, направления деятельности интеллигенции соответственно принципам, нормам и законам социализма, требованиям и целям общества. Именно этот аспект нашел отражение в исследовании Шейлы Фицпатрик, которая видит взаимосвязь между ростом авторитета Сталина в обществе и формированием новых кадров [14, с. 67].

Именно в таких сложных условиях укрепления политико-идеологических основ государства проходило становление и развитие новой, советской провинциальной интеллигенции. И хотя в Докладе В.М. Молотова на XVIII съезде ВКП(б), посвященном Третьему пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР, было сказано, что «за годы культурной революции созданы большие кадры интеллигенции, численность которых к 1937 году составила 450 тыс. человек, из них работников искусств – 159 тыс. человек, культпросветработников – 297 тыс. человек» [15, с. 44], ситуация практически не изменилась и в послевоенные годы. Итак, кадровая политика в области подготовки специалистов культуры и искусства в Центральном Черноземье шла в общем русле кадровой политики по РСФСР.

Ссылки:

1. Советская интеллигенция (история формирования и роста) 1917–1965 гг. / под ред. М.П. Кима. М., 1968.
2. Ильина З.Д. Культурная политика и духовные потребности горожан. Центральное Черноземье в 1976–1985 гг. Курск, 1996.
3. Кузьмина В.М. Особенности государственной политики в отношении провинциальной творческой интеллигенции в период становления и развития командно-административной системы (1920–1940 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–1. С. 69–76.
4. Бухарин Н.И. Судьбы русской интеллигенции // Путь к социализму. Новосибирск, 1990.
5. Луначарский А.В. Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1924.
6. Кузьмина В.М. К вопросу изучения источниковой базы при исследовании вклада творческой интеллигенции Центрального Черноземья в индустриальную модернизацию советского общества // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 6. С. 180–186.

7. Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Правда. 1931. 5 июля.
8. ГАВО. Ф. 1439. Оп. 4. Д. 264. Л. 5–10.
9. Самойлова Е.С. Население и образование. М., 1978.
10. Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999.
11. Кузьмина В.М. К вопросу о формировании кадров творческой интеллигенции в Центральном Черноземье в условиях индустриальной модернизации // Общество: философия, история, культура. 2013. № 1. С. 52–56.
12. Воронеж в документах и материалах : сборник / сост. Г.И. Васильева и др. Воронеж, 1987 .
13. Постановление ЦК ВКП(б) о постановке пропаганды марксизма- ленинизма в Белорусской ССР, Орловской и Курской областях от 16 августа 1939 г. // КПСС в резолюциях. Т. 7. М., 1985.
14. Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite // Fitzpatrick S. The Cultural Front; Brown A. The Gorbachev Factor. Oxford, 1996.
15. Молотов В.М. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. М., 1939.

References:

1. Kim, MP (ed.) 1968, *Soviet intelligentsia (history of the formation and growth) 1917-1965*, Moscow.
2. Ilina, ZD 1996, *Cultural Policy and the spiritual needs of the citizens. Central Black Earth region in 1976-1985*, Kursk.
3. Kuzmina, VM 2008, 'Features of state policy towards provincial creative intelligentsia during the formation and development of the administrative-command system (1920-1940)', *News of Altai State University*, no. 4-1, p. 69-76.
4. Bukharin, NI 1990, 'The fate of the Russian intelligentsia', *Path to Socialism*, Novosibirsk.
5. Lunacharsky, AV 1924, *Intellectuals in its past, present and future*, Moscow.
6. Kuzmina, VM 2011, 'To study the question of the source base in the study of the contribution of the creative intelligentsia in Central Chernozem industrial modernization of Soviet society', *Proceedings of the Russian State Social University*, no. 6, p. 180-186.
7. Stalin, IV 1931, 'The new situation is new tasks of economic construction. Discussed at the meeting of business executives June 23, 1931', *Pravda*, July 5.
8. GAVO, f. 1439, op. 4, d. 264, l. 5-10.
9. Samoilov, ES 1978, *Population and education*, Moscow.
10. Volkov, SV 1999, *Intellectual layer in Soviet society*, Moscow.
11. Kuzmina, VM 2013, 'On the formation of creative intelligence personnel in the Central Black Earth in terms of industrial modernization', *Society: philosophy, history, culture*, no. 1, p. 52-56.
12. Vasiliev, GI (comp.) 1987, *Voronezh in documents and materials: compilation*, Voronezh.
13. 'Decision of the Central Committee of the CPSU(b) the formulation of propaganda of Marxism-Leninism in the Byelorussian SSR, Orel and Kursk regions on August 16, 1939' 1985, *CPSU in Resolutions*, vol. 7, Moscow.
14. Fitzpatrick, S 1996, 'Stalin and the Making of a New Elite', in Fitzpatrick, S, *The Cultural Front*; Brown, A, *The Gorbachev Factor*, Oxford.
15. Molotov, VM 1939, *Third Five-Year Economic Development Plan of the USSR*, Moscow.